

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника XLIX Виноградовских чтений в МГУ

17 января 2018 г. на филологическом факультете прошли XLIX чтения, посвящённые памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Тема Чтений 2018 г. — «Разногласия в лингвистической науке: история и современность (Уроки Виноградова)». Участники чтений, представители разных научных школ и поколений, обсуждали дискуссионные проблемы современной русистики: принципы классификации частей речи, семантику и синтаксис падежных форм, проблему неканонических подлежащих, соотношение грамматической теории и принципов формулировки орфографических правил, возможности снятия теоретических противоречий в современных грамматических описаниях, а также принципы выделения и описания социальных и функциональных субкодов русского языка.

Чтения открыла **Н. К. Онипенко** (МГУ), которая в своем вступительном слове прокомментировала выбор темы XLIX Виноградовских чтений и напомнила один из «уроков» академика Виноградова — «глубже использовать лингвистическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка». В книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» В. В. Виноградов разделил причины разногласий грамматической науки своего времени на «практические», относящиеся к объёму исследуемого материала и принципам его отбора, и теоретико-методологические. Чтобы избежать разногласий, нужно при отборе материала помнить, что материал не должен быть «случайным, бедным и однообразным», а при

построении концепции «раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые лингвист кладет в основу своего построения». Невыполнение этих методологических правил приводит к тому, что «грамматика превращается в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке».

Программу чтений открыл доклад **О. В. Кукушкиной** (МГУ) «В. В. Виноградов и спорные вопросы классификации частей речи». Докладчица высказала мысль, что современная лингвистическая наука должна опираться на принципы, заложенные в созданной В. В. Виноградовым классификации частей речи. Основываясь на идеях Л. В. Щербы, он соединил собственно морфологические признаки слов с их синтаксическими свойствами. Словоизменение, словообразование и синтаксис оказывались тремя составляющими слова как морфологической единицы; грамматика слова описывалась в тесном взаимодействии с его семантикой, учитывались системные связи всех языковых категорий. Это значит, что для частеречной интерпретации слов лингвист должен был учитывать соотношение синтаксических функций слова с его лексической семантикой, а также степень синтаксической самостоятельности лексемы (словоформы) и возможность синонимических трансформаций. Такой подход актуален не только для грамматического описания, но и для компьютерной лингвистики. Докладчица применила виноградовскую грамматическую методологию для определения частеречного

статуса слов на -о (*грустно, полезно, просто, точно*). Воспользовавшись знаменитой экспериментальной фразой Л. В. Щербы о *глокой куздре*, О. В. Кукушкина продолжила эксперимент применительно к слову *штеко*. Изменяя позицию этого слова в предложении, сконструированном Щербой, помещая это слово в другие синтаксические конструкции и предлагая замену реальными словами, О. В. Кукушкина показала взаимозависимость синтаксической позиции и семантики отадъективных дериватов, что и является основным критерием частеречной классификации слов на -о.

Программу продолжил доклад А. Б. Летучего (ИРЯ РАН, ВШЭ) «Дискуссия о неканонических подлежащих и вопрос о сентенциальном подлежащем в русском языке». Докладчик обратился к наиболее дискуссионной проблеме современной синтаксической науки — проблеме подлежащего — и рассмотрел два подхода к решению этой проблемы. Согласно традиционному подходу, принятому в русской грамматике, подлежащее определяется, прежде всего, на основании двух признаков: именительного падежа и контроля согласования. Однако этот простой подход осложняется во многих случаях выделением «смыслового подлежащего», соотношение которого с грамматическим подлежащим не всегда очевидно. Как правило, данный термин («смысловое подлежащее», а также близкий к нему «семантический субъект») обозначает актант, обладающий набором семантических параметров, характерных для подлежащего, но не обладающий достаточным набором морфосинтаксических подлежащих свойств. Термин применяется для случаев, когда определить подлежащее затруднительно; например, в конструкциях с предикативами (*Мне неприятно там бывать*) смысловым подлежащим

считается дативный аргумент, как и в конструкциях с глаголами, имеющими объект-Экспериенцер: *Мне нравится, что Вы больны не мной; Мне нравятся груши*.

Согласно многофакторному подходу, который принимается при типологически ориентированном описании языка, невозможно определить подлежащее на основании небольшого числа (например, двух) признаков. Необходимо большое число грамматических признаков, а также коррелирующих с ними семантических и признаков, связанных с коммуникативной структурой. Чем больше признаков подлежащего проявляет составляющая, тем ближе к каноническому подлежащему она находится.

В докладе А. Б. Летучего обсуждалось несколько признаков в их применении к разным типам неканонических подлежащих: контроль согласования, контроль рефлексивных местоимений, контроль депиктивов (твор. п. в конструкции типа *ходит голодным*); выражение нулём в инфинитивных конструкциях; контроль деепричастий. Проблема данных критериев состоит в том, что они применимы не ко всем зависимым, которые интуитивно кажутся близкими к подлежащему. Сентенциальные подлежащие (придаточные в сложноподчиненном типа *Меня удивило, что Вася не приехал*), в отличие от других неканонических подлежащих, не контролируют рефлексивы, деепричастия, то есть не являются подлежащими по большинству критериев. Отстаивая ту точку зрения, согласно которой в русском языке существуют сентенциальные подлежащие, А. Б. Летучий делает следующие выводы: 1) сентенциальные актанты ведут себя не так, как именные подлежащие, по большинству критериев; 2) связано это может быть с разными их свойствами: с отсутствием падежа, отсутствием именной вершины и т. д.; 3) это принципиально отличает их от

актантов типа Агенса при пассиве, которые смещены с позиции подлежащего и проигрывают конкуренцию другим актантам; 4) внутри класса синтаксических актантов противопоставление подлежащих и неподлежащих тоже существует.

В докладе **М. Ю. Сидорова** (МГУ) «Конструкции с локативным субъектом / распространителем в формальном, коммуникативно-функциональном и «соревновательном» синтаксисе» была продолжена тема «неканонических подлежащих» и возможности применения к ним определенного набора признаков: речь шла о «локативных подлежащих» (термин, используемый в концепции коммуникативной грамматики). М. Ю. Сидорова на материале описательных текстов показала частотность предложений с локативным субъектом и необходимость определения функционального статуса локативных синтаксем в структуре разных моделей предложения. Развивая идеи Г. А. Золотовой, М. Ю. Сидорова обратилась к «соревновательной (кооперативной) модели» Б. Мак-Винни и Э. Бейтс (B. MacWhinney, E. Bates 1981, 1989), которая представляет восприятие высказывания как конкуренцию «ключей», маркирующих грамматические функции. Эти ключи позволяют (или не позволяют) реципиенту определить роль того или иного компонента в структуре предложения (следовательно, в передаваемой предложением ситуации). Для синтаксиса английского предложения актуальны семь «ключей»: 1) *pre*: предглагольная позиция; 2) *agr*: морфологические согласительные категории глагола (контроль согласования); 3) *init*: позиция начала предложения; 4) *nom*: именительный падеж местоимения; 5) *the*: использование определенного артикля; 6) *by*: использование предлога “by” с именем агенса в пассивной конструкции; 7) *pas*: пассивная форма глагола.

М. Ю. Сидорова применяет модель «7 ключей» к русским предложениям с локативными синтаксемами в абсолютном начале предложения (*В зале шум; шумели, В зале шумели зрители, В зале зрители, В зале оказались зрители*) и предлагает следующий набор «семи ключей»: 1) *init-loc* (локатив в препозиции); 2) *non-agr-verb* (нет глагола, согласующегося с существительным в роде/лице и числе); 3) *non-pers* (нет личного имени — существительного или местоимения); 4) *praed* (есть признаковое имя); 5) *auth* (есть авторизационный (фазисный) глагол); 6) *stat* (есть предикатив на -о); 7) *perc* (есть предикат «наблюдаемого проявления»). Ответ на вопрос, является ли локативная синтаксема подлежащим, решается по количеству и приоритету синтаксических характеристик. Используя модель «7 ключей», докладчица показала, что в структуре русского предложения претендентов на статус подлежащего может быть несколько, что статус локативных синтаксем в разных моделях разный и что локатив может быть квалифицирован как подлежащее в определенных типах русского предложения.

А. В. Малышева (ИРЯ РАН) в докладе «Дискуссии вокруг объектного родительного» говорила о разногласиях при описании русского приглагольного генитива в объектном значении и о тех проблемах, которые возникают при изучении родительного падежа как на синхронном, так и диахронном уровнях.

Докладчица показала, что основные трудности у лингвистов возникают при описании соотношения (вариантности) двух падежей, маркирующих прямой объект при глаголе, — аккузатива и генитива. В современном литературном языке вариантность аккузатива и генитива наблюдается в позиции при переходном глаголе с отрицанием (*не видел Маши — не видел Машу*) и при модально-эмоциональных глаголах (*ждать*

поезд — ждать поезда), в которых на протяжении последних двух веков происходит активное вытеснение генитива аккузативом. Количественный генитив в партитивной конструкции (*выпить воды, купить хлеба*) в современном русском языке достаточно стабилен. Известно, что в составе партитивной конструкции употребляются только существительные, обозначающие неопределенный объект, и глаголы с определенной лексической и аспектуальной семантикой.

На более ранних этапах развития языка объектный родительный в неотрицательных конструкциях в русском и других славянских языках употреблялся гораздо свободнее. В трудах по историческому синтаксису генитив, альтернативный аккузативу, в случаях типа *смотраху гласа того, взяти града, побьдывъ же инѣхъ странъ, аже кто оурветъ бороды смолнянину* традиционно рассматривается как количественный, для его обозначения используются термины «родительный неполного объективирования», «родительный делимого целого» (В. И. Борковский, Т. П. Ломтев, В. Б. Крысько); при этом для многих контекстов не удается установить разницу в значении двух падежей и приходится признавать их семантическими дублетами.

Была рассмотрена и другая точка зрения, согласно которой варьирование генитива и аккузатива в таких конструкциях не обусловлено семантикой, а связано с «временным пересечением их функционально-семантических полей» (С. А. Лутин). Аккузатив и генитив, по мнению С. А. Лутина, обозначают объект глагольного воздействия, воспринимаемый с разных ракурсов: аккузатив маркирует объектный актанта как потенциальное место фиксации результата события, а генитив — как субстанцию, лежащую вне сферы глагольного действия до его начала (т. е. показывает ста-

тус объекта до начала глагольного воздействия).

Принимая во внимание обе точки зрения, А. В. Малышева сформулировала гипотезу о том, что варьирование аккузатива и генитива в памятниках письменности может быть связано с аспектуальностью глагола и так называемым актантным маркированием аспектуальных противопоставлений (В. А. Плунгян), которое имеет место в некоторых современных языках, например в финском и эстонском. На этапах, предшествующих оформлению современной категории вида, прямообъектные падежи могли маркировать разные фрагменты ситуации: аккузатив, «падеж полного охвата» (Дельбрюк), маркировал результирующую стадию, результативные и перфективные значения, а генитив, «падеж неполного охвата», — подготовительную стадию, значения, связанные с отсутствием результата: имперфективные, дуративные, хабитуальные. Примеры подобного маркирования обнаруживаются также в современных севернорусских говорах. Однако в обоих случаях мы можем говорить лишь о тенденции, поскольку как в древне- и среднерусском языке, так и в современных говорах объектный генитив является редкой, периферийной формой; основным падежом прямого объекта остается аккузатив, т. е. падежное маркирование видовой семантики не имеет характера строгой грамматической закономерности, как в прибалтийско-финских языках.

Л. Г. Чапаева (МПГУ) выступила с научным докладом «Соотношение субкодов русского языка в филологических исследованиях 1-й половины XIX в». Субкодами принято называть коммуникативные подсистемы более низкого функционального уровня и меньшего объема, чем язык в целом. Термин «субкод» применяется, например, к функциональным стилям внутри литературного языка. В работах фило-

логов первой половины XIX в. принципы членения общенационального языка на субкоды еще не оформились, границы между социальными субкодами были размытыми, терминология не сформирована, в результате чего под одним и тем же понятием (например, *просторечие*) могло иметься в виду различное содержание. Научоведческий анализ показал, что иерархия субкодов в пределах общенационального русского языка и их характеристика в русских филологических исследованиях начинается получать более или менее адекватное отражение лишь к концу 40-х гг. XIX в. Кроме Грамматики Н. И. Греча, субкоды русского языка в их иерархии описывались в «Предмете, методе и цели филологического изучения языка» Н. Т. Костыря (1848). На 1940-е гг. приходится начало научной деятельности Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского. Буслаев в иерархии субкодов родного языка на первое место ставил народный язык, который определяет формирование книжного языка и его изменения. И. И. Срезневский противопоставлял народный (или «простонародный») язык книжному как динамичную систему статичной — народный язык находится в постоянном изменении, а книжный стремится закрепить собственные нормы и правила употребления «в неподвижности»; при этом современную ему эпоху он характеризовал как «период возвратного сближения книжного языка с народным».

В докладе **Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой** (ИРЯ РАН) «Причины разногласий в современной русской орфографии» шла речь о тех сложностях в орфографии, которые существуют из-за разногласий в грамматике, о том, как это отражается на письме и как орфографисты-кодификаторы справляются с возникшими трудностями. Авторы доклада обратили внимание слушателей на тот факт, что русская грамма-

тика изначально создавалась как грамматика письменного языка. Но несмотря на решающую роль письма при составлении первых грамматик, в последующих описаниях письмо учитывалось всё меньше. При принятии решения о грамматическом статусе той или иной единицы, например приставки или части сложного слова, грамматисты могут использовать понятие суффиксоида для описания пограничных случаев. Лексикографы же и орфографисты вынуждены оперировать терминами, известными большинству носителей языка. Отсюда расхождения в грамматических характеристиках. Дискуссии в грамматике имеют непосредственную связь с орфографией. Так, введение в русскую грамматику понятия неизменяемого прилагательного как вызывало споры с самого начала, так и остается спорным до сих пор: разные словари расходятся в характеристике одного и того же слова, в одном словаре одноклассным словам могут даваться разные пометы, многим словам приписывается двойная характеристика; например, *нескл.* и *неизм.* Принятие решений без учета фактов письма приводит к тому, что орфографисты не могут во многих случаях опираться на грамматические понятия. Тогда они идут либо вразрез с современным описанием грамматики, либо в обход. Авторы доклада считают, что настало время вернуться к рассмотрению письма как одной из форм реализации языка и учитывать факты письма в грамматических описаниях. Особое внимание авторы доклада уделили правилу слитного/раздельного написания частицы *не*. В. В. Виноградов, участвуя в обсуждении проблем орфографии в 1964 г., писал об этом правиле так: «...различия в написаниях *не радостный* и *нерадостный* (...) полны тонких смысловых оттенков, которые далеко не всеми могут осознаваться и воспроизводиться». Лингвисты послед-

ней трети XX в. сложность выбора написания объясняют не тонкостью семантического различия, а нейтрализацией этого различия в определенных условиях. Такая трактовка обращает лингвистов к поискам условий нейтрализации этого противопоставления, а орфографистов — к определению написания в этих условиях. Анализ узуса письма показал, что нейтрализация противопоставления частицы и приставки происходит в позиции фокуса ремы, в позиции темы, при предикатах с подчиненной предикацией. Остается первичная позиция отрицательной частицы — предикативная, где различие между частицей и приставкой сохраняются.

Завершил программу чтений доклад **С. А. Крылова** (ИВ РАН) «Интегральная модель грамматики как средство снятия теоретических разногласий в грамматической науке о русском языке», в котором была обоснована необходимость металингвистического подхода к русской грамматике. Отличие металингвистического подхода от «традиционных» походов к лингвистическому описанию (грамматике и словарю) состоит в том, что предметом описания становится не сам данный язык как таковой («первичный» лингвистический объект, созданный бессознательной коллективной деятельностью «наивных» носителей языка), а его лингвистическое описание. Русский язык принадлежит к числу языков, имеющих относительно давнюю грамматическую (и шире, лингвистическую) традицию; её возраст — свыше трехсот лет. Чтобы охватить существующее ныне разнообразие русских грамматик систематически, для каждой из них должна быть создана особая «вторичная» *метаграм-*

матика. В эпоху «бумажных» грамматик роль таких метаграмматик могли выполнять: комментарии к грамматическим трудам предшественников; предметные указатели разных типов; библиографические справочники по русской грамматике. Так, в книгах и статьях В. В. Виноградова обращают на себя внимание экскурсы в «историю вопроса», часто изобилующие подробными цитатами. В двух последних академических грамматиках есть указатели аффиксов, в книге А. В. Исаченко — полный указатель описываемых лексем, а в работах А. А. Зализняка «словарный» компонент грамматики вообще становится не только равноправной, но и в каком-то смысле доминирующей частью по отношению с собственно «грамматическому» разделу. В наше время роль метаграмматик выполняют компьютерные металингвистические базы данных. На основе нескольких баз данных может быть построена *гиперграмматика*, играющая роль не только путеводителя по одной русской грамматике, но своеобразного справочника по нескольким русским грамматикам.

Виноградовские чтения 2018 г. еще раз подтвердили важность научного творчества академика В. В. Виноградова для современной лингвистической науки. Прочитанные доклады убеждают в том, что существующие в русистике споры и разногласия «высвечивают» наиболее актуальные проблемы, стимулируют поиск их решений и приближают нас к пониманию сущности языка.

Н. К. Ониненко
Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН
Получено 14.02.2018